

Андрею Александровичу ГОНЧАРОВУ — 70 лет

ЛИДЕР

В ЕГО кабинете в театре стоят старинные, с высокими спинками кресла, обитые какой-то давно вышедшей из употребления тканью — штофом, что ли, или еще чем-то в этом роде. Так вот, все, кто приходит к нему в этот кабинет — коллеги, драматурги, просто гости премьер, — все мы сидим в них как-то на краешке, бочком, эти старые покойные кресла чем-то не по нас, мы в них чувствуем себя как бы не на своем месте. Он же сидит в них так, будто никогда ни на чем другом и не сживал, — свободно, вольготно, с каким-то тоже вышедшим ныне из употребления незаемным чувством собственного достоинства.

И когда встречаешь его на Тверском бульваре или на Малой Бронной, где он живет, сразу же бросается в глаза — по походке, по повадке, — что, как и в тех старинных креслах, он и на московской улице — дома, у себя. Что Москва для него не просто город, в котором он прописан, а единственное место на земле, где он и мог бы жить, вне которого его и представить себе нельзя. Коренной московский интеллигент. И это в нем не от семьи только, не от воспитания — таков уж склад его природы, только и всего.

Собственно, он и был первым московским интеллигентом в моей жизни. Я был тогда совсем мальчишкой, студентом второго курса, а он года за три до того вернулся с войны. И хотя тогда, в нашу первую встречу, он уже успел стать совершенно «мирным» — в гражданском «трофейном», как тогда говорили, костюме и галстуке в тон костюму, — была на всем его облике та отметина, которая остается на всю жизнь: война. Я ее уже научился распознавать на лицах моих старших друзей, побывавших на войне. Гончаров принадлежал к их призыву, к поколению тех мальчиков — помните, у Окуджавы: «До свидания, мальчики!.. постарайтесь вернуться назад?» — которые ушли на войну и вернулись победителями, и им непреложно верилось, что вот теперь, после победы, ими добытой и выстраданной, начнется новая жизнь, радостная, беспечальная. История распорядилась иначе: наша жизнь сложилась гораздо сложнее и труднее, чем всем нам мечталось в мае сорок пятого.

Гончаров никогда не ставил пьес о войне — может быть, потому, что он не смел сказать о ней лишь полуправду, может быть, тогда сама тема была для него еще незажившим, незарубцевавшимся воспоминанием, чтобы можно было, не сфальшивив ни на йоту, воплотить ее на сцене. Но вот прошло сорок с лишним лет, и он поставил спектакль по повести Бориса Васильева «Завтра была война», поставил с предельной обнаженностью, с исповедальной искренностью. Нет, и тут, на сцене, войны нет — лишь ее канун, ее предчувствие. Он поведал о своем, предвоенном поколении, которому завтра предстоял подвиг ратный, а за плечами был уже подвиг духа: пройти сквозь тяжкие годы всеобщей подозрительности и унижительных, растлевающих душу страхов и вопреки всему не растратить веру в добро и честь, не изменить самим себе.

Прошло много лет, и мы встретились с ним опять, уже в пятьдесят девятом. К тому времени он был известным режиссером за его плечами были нашумевшие в Москве, сделавшие ему имя спектакли — «Женитьба Бейгуина» в Театре сатиры, «Европейская хроника» в Ермоловском, «Опасный спутник» в Малом и, конечно же, «Вид с моста» Артура Миллера в маленьком театре на Спартаковской, кото-

рым он тогда руководил. Я ему принес одну из самых первых своих пьес, она ему, мягко говоря, решительно не понравилась. Тем не менее, зажав в кулак собственную гордыню, через год я ему прочитал другое свое сочинение — «Волнолом», и он его тут же стал репетировать, а выпустил уже на Малой Бронной, куда переехал его театр. А еще через год он поставил еще одну мою пьесу — «Аргонавты», и это были первые в моей жизни и, наверное, самые дорогие успехи.

Я об этом вспомнил вовсе не из авторского тщеславия. Я — о другом. Это было в самом начале шестидесятых годов, и спектакли, поставленные Гончаровым, поразительно точно, без натуги и желаний потрафить вкусам тогдашнего зрителя, соответствовали тому новому, неисполненному надежд и ожиданий духу, которым жила вся страна после XX съезда.

Сцена и зал были тогда одно, жили одной душой, одной верой. Это было замечательное время, и как хочется надеяться, что через долгую четверть века — на новом витке истории, на более прочном основании — то чувство единения всех со всеми теперь с нами.

Гончаров никогда не жил одними лишь близкими — на сегодня, на завтра — целями. Еще тогда, в начале шестидесятых, я слышал от него и о будущем «Климе Самгине», и о «Леди Макбет Мценского уезда», и о «Закате» Бабеля, и о булгаковском «Беге» — эти спектакли ему удалось осуществить много позже, через пятнадцать—двадцать лет и по обстоятельствам, — не от него одного зависящим.

Ему всегда тесно в одном сюжете пьесы, он всегда в ней ищет то, что кроется за сюжетом, за текстом — ее поэтический общечеловеческий смысл. Точно так же, как ему тесны и границы того или иного жанра. Его «Человека из Ламанчи» мюзиклом в собственном значении этого слова никак не назовешь. Он обнаружил и вынес на первый план в этой немудрящей, казалось бы, пьесе то, что восходит в ней к первоисточнику — к Дон Кихоту и судьбе самого Сервантеса. Он поставил трагедию не одного только «рыцаря печального образа», но всегдашнюю трагедию идеалиста, мечтателя в его смертельном одиночестве с косностью, глупостью, жестокостью.

Впрочем, это свойственно вообще спектаклям Гончарова — страстная, яростная мечта о социальном и нравственном идеале, пусть и трудно достижимом, пусть и вовсе не достижимом на короткой протяженности одной человеческой жизни. Но для него это идеал — мера всех вещей, мера жизни, а есть ли более насущная в наши дни задача у искусства?!

Его неудержимо тянет к литературе философичной, к характерам крупным, нестреноженным, к столкновениям и конфликтам непримиримым, не на жизнь, а на смерть. Я думаю, что он вообще по преимуществу режиссер трагедийный, хотя собственно трагедий никогда не ставил. Трагедийный — по масштабу, по страстности своего дарования.

Есть у него и заслуга особая, одному ему принадлежащая по праву — он первооткрыватель на сцене многих произведений советской драматургической классики, которые по тем или иным причинам так и не увидели в свое время свет рамп, десятилетиями были на подозрении.

Гончаров — глубоко русский художник, хотя ему решительно чужд «квасной» псевдонародный лубок. Пожалуй, не назвать более самобытного в этом смысле спектакля, чем «Леди Макбет Мценского

уезда» — безоглядной широтой и щедростью характеров, беспощадностью их к самим себе в поисках ответов на «проклятые» вопросы жизни, скованной цепями устоявшегося, застывшего слепого быта. Только русскому человеку свойственна такая бесшабашная, дерзкая и вместе с тем трагическая удаля.

Трагедия — его излюбленное «поле боя», да. Но как он озорно весел, как насмешлив, саркастичен в «Банкроте» Островского или «Детях Ванюшина» Найденова, пьесе, казалась бы, давно уже всеми забытой, списанной в тираж, — а Гончаров дал ей новую жизнь; увидев в ней не мелодраматическую историю «из старого быта», а сатирическое, обличительное начало, не утерявшее за давностью лет и сегодня своей остроты.

Гончаров никогда не тратил себя в погоне за модой. Он исповедует театр-кафедру, театр-трибуну и театр-праздник, слитые воедино, в одно непременно образное, поэтическое целое. Его спектакли зрелищны и театральны не одной формой, праздничны не одним буйством фантазии, а прежде всего силою их образного, поэтического воздействия, общей приподнятостью атмосферы, царящей на сцене и в зале, страстью, которая рождает ответное чувство у зрителя. Его театр — реалистический и романтический одновременно, в этом сплаве достоверности и метафоричности как раз и заключается, на мой взгляд, эстетика, которой он верен всю свою жизнь.

С чего начинается театр — если миновать традиционно хрестоматийную вешалку?.. С пьесы — ответит драматург. С роли — скажет актер. С хозрасчета — станет утверждать администратор. Режиссер же на этот риторический вопрос разве что оскорбленно похмет плечами.

Театр начинается с лидера. С художника, который твердо знает, чего ищет в искусстве, к какой высокой цели идет, и у которого достаточно сил, чтобы идти к ней, не сворачивая в сторону и не кушавшись легким и недорогим успехом.

Быть режиссером, даже талантливым, — это еще не значит быть лидером театра. Тут нужны особый дар, воля, твердость. Гончаров — лидер по призванию, изначально. Он во главе театра — у себя, на своем месте.

И как-то просто невозможно взять в толк, что ему уже семьдесят, — так он и сегодня до озорства молод, так по-юношески загораются его глаза при встрече с чем-либо талантливым, так заразительно, потирая от удовольствия руки, он смеется каждой шутке. Так много у него дальних замыслов, на которые, кажется, и дюжины жизней не хватило бы.